

УДК 346.62

РАЗРАБОТКА БАНКРОТСКОГО УСТАВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Мазнев Е. С.

Белгородский университет кооперации экономики и права

Статья посвящена изучению законопроектных работ отечественных юристов в области несостоятельности во второй половине XVIII века. Как известно правление Екатерины II считается периодом просвещенного абсолютизма, когда существенно изменился сложившийся уклад во многих сферах общественной жизнедеятельности. Начало правления императрицы явилось очередным импульсом для проведения ревизии законодательства о банкротстве. В течение XVIII века было предложено несколько вариантов Банкротского устава, но ни один из них не был одобрен на уровне высшей власти. Этот факт актуализировал новый этап нормотворческой деятельности. В статье сопоставляются различные источники российского законодательства о несостоятельности, устанавливается их преемственность и новации при формировании очередного кодифицированного акта о торговой несостоятельности.

Ключевые слова: Екатерина II, абсолютизм, несостоятельность, банкротство, торговля, долговая кабала, ответственность, купечество.

Непосредственно перед приходом к власти Екатерины II подходили к завершению работы по составлению Банкротского устава, инициированного Елизаветой Петровной. Этот законопроектный процесс был связан с установлением существенных пробелов в регулировании законодательства о несостоятельности и фиксацией в правоприменительной деятельности фактов недобросовестного использования купцами своих правомочий, в том числе признаков преднамеренного банкротства.

Банкротский устав 1763 г. был представлен на рассмотрение императрице Екатерине II, однако не получил ее одобрения и остался лишь проектом. Вопрос о необходимости изменения законодательного массива в области порядка рассмотрения дел о банкротстве не был разрешен, в связи с чем актуальность проблемы только возрастала.

Какие именно обстоятельства или возражения послужили причиной для отклонения проекта Устава не известно. Между тем законотворческая деятельность в рассматриваемой области не прервалась и достаточно скоро была предпринята очередная (четвертая за 28 лет) попытка для комплексного урегулирования соответствующей области правоотношений.

Во второй половине XVIII в. нормативное регулирование в сфере банкротства носило отрывочный характер и по сути представляло собой попытки установления правил поведения в частных случаях, как правило, не связанных с самой процедурой конкурсного производства. Речь, в частности, идет об установлении запрета избираться в судьи магистрата, исключении из гильдии купцов, признанных несостоятельными и т.п. [6, с. 77].

Указом от 20.02.1764 г. на Комиссию о коммерции возложена обязанность по подготовке проекта новой редакции Банкротского устава. При этом в качестве ориентира для комиссии был предложен «проект» 1761 г., на основе которого верстался предыдущий Банкротский устав 1763 г.

Согласно мнению императрицы Комиссии о коммерции при разработке проекта Устава следовало изложить мнение относительно «прожекта», т.е. по существу разработчикам уже был дан некий вариант, который должен быть взят за основу при формировании законопроекта.

При этом для более полного и комплексного регулирования института банкротства Екатериной II было указано на необходимость привлечения к нормотворческой деятельности купцов, в том числе тех представителей торгового сословия, которые обладали познаниями в области законодательства о несостоятельности в других странах. Данная рекомендация императрицы была исполнена и на самом начальном этапе были предложены пять кандидатур купцов, из которых были избраны два представителя, имевших иностранное подданство для подготовки документа и работе над ним.

В итоге уже к 23.03.1764 была сформирована комиссия, состав которой должен был представить обновленный вариант Банкротского устава. В работе комиссии принимали участие представители исполнительной власти, прокуратуры и купцы, общее число представителей комиссии составляло шесть человек.

Однако по свидетельству историков комиссия в данном составе к работе не приступала [3, с. 183]. В течение полутора лет в комиссии происходила определенная ротация состава, однако на достижение каких-либо даже промежуточных результатов это не повлияло. Только в конце октября 1765 г. проведены первые заседания обновленной комиссии.

В ходе работы комиссии были изучены Уставы, касающиеся торговой несостоятельности с 1740 г. по 1763 г., включая «прожект» 1761 г. Кроме того, во внимание принимались зарубежные источники, в частности, инструкции голландским комиссарам по банкротным вопросам.

Несмотря на обилие правовых источников, проанализированных комиссией, основу нового Устава, представленного императрице 05.01.1768 г., составлял Банкротский устав 1763 г. с незначительным его преобразованием за счет норм, содержащихся в «прожекте» 1761 г., а также норм, выработанных в ходе работы самой комиссии.

Таким образом, можно констатировать, что Устав 1768 г. не претерпел существенных, радикальных изменений по отношению к тем источникам, на основе которых он верстался.

Применение Устава 1768 г. предполагалось ко всем правоотношениям при условии, что дело о банкротстве возбуждено после принятия указанного нормативного акта. Если же дело о банкротстве на момент принятия Устава уже находилось в производстве той или иной инстанции, то оно подлежало рассмотрению по ранее действовавшим правилам.

Таким образом, возникновение признаков неплатежеспособности должника или установление их наличия кредиторами не имели решающего значения для определения действия Устава 1768 года во времени. Указанные рассуждения позволяют прийти к выводу о том, что в рассматриваемом документе заложен принцип процессуального единства, который во многих правоотношениях сохраняет свою актуальность и на сегодняшний день.

В Уставе категорически отрицается возможность применения наряду с ним положений иностранного законодательства, в т.ч. в случае торговли с иностранными

купцами. В этом смысле устанавливается не только приоритет российского закона, но и вообще какая бы то ни была возможность использования зарубежных норм. Столь категоричным в этом отношении не был ни один из ранее подготовленных Банкротских уставов.

Некоторые исследователи выражают позицию о том, что все четыре разработанные в XVIII в. проекты Банкротских уставов, в т.ч. и Устав 1768 г., применялись на практике [5, с. 31].

Такое утверждение, по нашему мнению, является неверным. Скорее правильное будет сказать, что отдельные положения Устава 1740 г. на уровне низших инстанций, вопреки имевшемуся порядку утверждения нормативных актов, применялись на практике, однако этот подход не был распространен и носил частный, единичный, исключительный характер. О применении на практике положений Устава 1740 г. указывает, в частности, В.Е. Егоров и К.Ю. Рожнова [4, с. 170]. При этом подтверждения применения в правоприменительной практике Уставов, подготовленных в период с 1740 по 1768 гг., не имеется.

Яковенко Ю.Б. утверждает о том, что разработка последующего Устава о банкротях 1800 года была связана с отсутствием детального урегулирования проблем банкротства в отечественном праве [7, с. 13]. Такого нормативного регулирования в России, по сути, не существовало, по крайней мере, если мы говорим о комплексной, а не частной регламентации соответствующих правоотношений с учетом имевшегося характера развития торгово-экономических отношений.

Так, широко известны случаи издания государственными органами распорядительных документов в отношении порядка разрешения конкретных вопросов по отдельным банкротным делам [2].

В тоже время, указанное не отменяет ценности проекта Устава 1768 г., ставшего своего рода ориентиром для последующих кодификационных работ.

Понимание несостоятельности, содержащееся в Уставе 1768 г., сопоставимо с тем, которое имело место в Уставе 1763 г., однако в новом проекте приводились ситуации, которые позволяли ответить на некоторые сложные вопросы, встречавшиеся в практике.

Так, в обновленном нормативном акте отражено, что если должник имеет актив в виде дебиторской задолженности перед учреждениями, получающими финансирование из казны, и размер такого права требования сопоставим с размером долговых обязательств, являющихся основанием для возбуждения дела о банкротстве, то основания для конкурсного производства отсутствуют. Подобный подход связан с тем, что презюмируется платежеспособность государства и как следствие возможность государственных органов и подконтрольных им учреждений погасить возникшие обязательства.

Тем самым подход о необходимости оценки имущественной массы должника относительно размера его долговых обязательств сохранялся и дополнялся новыми разъяснениями, позволявшими стабилизировать хозяйственные отношения и сделать их более прозрачными.

Классификация видов банкротства изменений не претерпела, сохранилась трехступенчатая градация должников в зависимости от тех обстоятельств, которые послужили основанием возникновения признаков неплатежеспособности.

В качестве редакционного изменения, не влияющего на суть вопроса, можно отметить изменение терминологии, формулировка «непорочный банкрот» заменена на «упавший банкрот».

По всей видимости, составители Устава 1768 г. посчитали приведенную фразу более удачной. Однако суть понятия от этого не изменилась, под «упавшим банкротом» понималось лицо, которое стало несостоятельным в результате случайных обстоятельств, находящихся за рамками его воли.

По-прежнему нарушение правил ведения торговых книг относилось к квалифицирующим признакам неосторожного банкротства. Вместе с тем в Уставе 1768 г. уточнял объем хозяйственных операций, превышение которого являлось основанием для признания должника банкротом в силу неосторожности. Устав 1768 г. в этом смысле не отличался единообразием, и по его тексту упоминалось ограничение в виде объема хозяйственных операций в размере 5 000 руб., а также 1 000 руб.

Представляется, что в случае если хозяйственный оборот должника не достигал указанных сумм, то небрежное ведение соответствующих отчетных документов предполагалось несущественным нарушением, ввиду чего должник мог считаться «непорочным». Вместе с тем, в Уставе 1768 г. оговаривалось, что применение указанного условия было допустимо только по истечении 5 лет с момента вступления нормативного документа в законную силу.

В рассматриваемом Уставе отмечалось, что небрежное ведение торговых книг не означает полное отсутствие ошибок, однако эти ошибки подлежали устранению не путем зачеркивания, а путем внесения дополнительных записей об ошибочности предыдущих записей. Причем такие записи должны были вноситься тем же числом, что и ошибочная запись, т.е. предполагалось наличие граф для внесения корректировок.

В Устав был дополнен новым основанием для признания должника злостным банкротом. В частности, таким образом могло быть квалифицировано поведение купца, который после появления признаков неплатежеспособности, осознавая невозможность возврата долга, «запишется каким-либо ухищренным происком в солдаты или пострижется в монахи» [3, с. 191-192].

Установленное в ходе рассмотрения дела о банкротстве обстоятельство «непорочности» возникшей несостоятельности являлось основанием для сообщения об этом факте в Коммерц-коллегию, чтобы само по себе банкротство такого гражданина не препятствовало ему выступать в качестве брокера, маклера и т.п.

Между тем, несмотря на добросовестность несостоятельного должника в случае «непорочного» банкротства, данный факт не освобождал его в силу требований Устава 1768 года от долговых обязательств. Купец по-прежнему сохранял обязательства перед своими кредиторами и при наличии возможности должен был удовлетворить их финансовые притязания. В случае исполнения обязательств самим несостоятельным купцом или третьим лицом должник освобождался «от звания банкрота».

Такое правовое регулирование ранее получило закрепление в Указе от 19.07.1736 г. применительно к ситуации, когда у банкрота имелись обязательства только перед одним кредитором. Данная позиция получила критическую оценку со стороны Сената, поэтому расширение применения подобного условия в Уставе 1768 г. (безот-

носителю количества кредиторов у должника) не могло получить положительную оценку влиятельного государственного ведомства.

«Злостное» банкротство приравнивалось к уголовно наказуемому деянию – воровству. Единственным основанием для освобождения «злостного» банкрота от публичной ответственности являлось помилование со стороны монарха, которое могло быть инициировано кредиторским сообществом или детьми несостоятельного лица.

Процедура помилования кредиторами состояла из нескольких этапов. На первом из них в рамках дела о банкротстве подлежали установлению обстоятельства, которые могли свидетельствовать о необходимости освобождения должника от ответственности.

В дальнейшем кредиторами должна быть проявлена инициатива в виде ходатайства перед органом, рассматривавшем дело о банкротстве, о помиловании должника. Из текста Устава следует, что такая инициатива должна исходить от всех кредиторов, а не от отдельных представителей кредиторского сообщества, даже и обладавших в своей совокупности мажоритарной долей требований.

Инстанция, на рассмотрении которой находилось банкротное дело, доводило до сведения Сената волю кредиторов и обстоятельства, способные оказать влияние на помилование должника. В свою очередь Сенат сообщал императору, представленные ему доводы, после чего глава государства принимал решение относительно возможности помилования должника.

Процедура помилования банкрота по инициативе его детей не являлась столь многоступенчатой. В таком случае дети должны были погасить все финансовые обязательства родителя. Эти денежные средства могли в свою очередь быть получены детьми на условиях займа и в таком случае порождали уже их личное финансовое обязательство.

Само по себе полное погашение долга не освобождало несостоятельное лицо, в отношении банкротства которого установлены признаки явной недобросовестности, от публичной, т.е. уголовно-правовой ответственности. В этом смысле устранение результата недобросовестности банкрота, состоявшего в причинении финансовых потерь кредиторам, могло являться обстоятельством, нивелирующим его противоправное поведение и как следствие позволяло рассчитывать на снисхождение монарха.

Правовые последствия признания должника банкротом и завершения производства по делу о банкротстве в Уставе 1768 г. рассматривались достаточно поверхностно.

Как уже отмечалось выше, «упавший» банкрот не освобождался от долгов, однако к нему не применялись никакие санкции. По существу, производство по делу о банкротстве такого лица состоит в том, чтобы констатировать добросовестность должника на основе установленных в ходе производства по делу обстоятельств, а также реализовать имевшееся у него имущество, т.е. использовать варианты для наиболее полного погашения требований кредиторов.

Должник, чьи действия (бездействие) могли быть квалифицированы как неосторожное банкротство, также сохранял долговые обязательства после завершения производства по делу о банкротстве. В качестве санкции за свое поведение он мог

быть «отдан на искуп», т.е. предоставлялся в распоряжение кредиторов, которые в свою очередь при наличии на то их волеизъявления, имели право продать должника.

О правовых последствиях злостного банкротства Устав 1768 г. не упоминал. По всей видимости, авторами нормативного документа предполагалось, что ответственность в таком случае ограничивается уголовно-правовой составляющей.

В тоже время следует сказать, что в документе предусматривалось смягчение правовых последствий для несостоятельного лица, в случае если о неплатежеспособности заявлял сам должник [1, с. 17].

Конкурсное производство было возможно в случае множественности на стороне кредиторов. Тем самым при наличии только одного кредитора конкурсные процедуры не применялись.

Возбуждение дела о банкротстве, так же, как и по Уставу 1763 г. допускалось на основании заявления должника и кредиторов, однако условие о превышении пассивов на 25% относительно активов должника в новом Уставе не сохранилось.

Органами, осуществлявшими мероприятия в процедуре банкротства (на этот момент существовала только одна процедура – конкурсное производство), являлись Коммерц-коллегия, Главный магистрат, нижестоящие магистраты провинциального уровня.

Основанием для определения компетентного органа, на рассмотрение которому может быть подано заявление о банкротстве, являлись сумма долговых обязательств, место ведения должником торговой деятельности или место возникновения наибольшего числа долговых обязательств (по объему долга).

Место жительства несостоятельного лица, равно как и место его торговой регистрации для возбуждения дела о банкротстве не имело юридического значения. Логика такого порядка состояла в том, что рассмотрение дела о банкротстве должно было удовлетворять, прежде всего, интересам кредиторов, которые понесли имущественные потери в результате ненадлежащего исполнения должником принятых на себя обязательств. Возложение на кредиторов в такой ситуации дополнительных расходов в виде проезда к месту рассмотрения дела о банкротстве лишь увеличивало бы размер их убытков в условиях неясной перспективы относительно их возмещения.

На основании приведенных критериев Уставом 1768 г. рассмотрение дел о банкротстве, возникших из экономической деятельности в г. Санкт-Петербурге, при наличии долговых обязательств свыше 2 000 руб. возлагалось на Коммерц-коллегию. При наличии идентичного порога задолженности и осуществлении хозяйственной деятельности в г. Москве компетентным органом являлся Главный магистрат, остальные дела рассматривались региональными магистратами по месту экономической деятельности купца.

Несмотря на то, что перечисленные структуры относились к органам государственной власти, в Банкротском уставе 1768 г. они рассматривались как конкурсные суды.

Таким образом, в новом проекте Банкротского устава была четко установлена инстанционность, из его текста следовало продолжение генеральной линии, нацеленной на либерализацию государственной политики в отношении должников. Установленные Уставом наказания не были настолько суровыми, как в XI-XVII вв. В тоже время сохраняется общий прокредиторский подход. Разработчики Устава

исходили из того, что само по себе банкротство купца является обстоятельством, которое негативно отражается на каждом из кредиторов вне зависимости от условий обязательства.

Устав содержал целый ряд положений, нацеленных именно на защиту кредиторов. В тоже время нельзя сказать, что документ носил односторонний характер. Разработчики старались сделать текст гибким, что стало возможным благодаря существованию иных проектов, устанавливавших комплексное регулирование правоотношений в области банкротства.

Список литературы:

1. Багреева Е.Г., Рудая А.А. История развития и современность института банкротства // Евразийская адвокатура. 2020. №5. С. 15-19.
2. Виноградова Е.Ю., Буник Е.И. Институт банкротства в России. Этапы становления и развития // <https://tbplaw.com/data/423-> (дата обращения 20.02.2024).
3. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А.Г. Смирных, 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019. 288 с.
4. Егоров В.Е., Рожнова К.Ю. Динамика развития права в сфере несостоятельности (банкротства) в дореволюционной России // Вестник Псковского государственного университета. 2017. №5. С. 166-170.
5. Челахсаева С.И. Становление института несостоятельности (банкротства) в России и эволюция русского конкурсного законодательства в XI-XIX в. // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. №2. С. 28-36.
6. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. 477 с.
7. Яковенко Ю.Б. Внешнее управление как восстановительная процедура банкротства: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 189 с.

Maznev E.S. Development of the bankruptcy charter during the reign of Ekaterina II // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 4. – P. 47-53.

The article is devoted to the study of the legislative works of domestic lawyers in the field of insolvency in the second half of the XVIII century. As you know, the reign of Catherine II is considered a period of enlightened absolutism, when the prevailing way of life in many spheres of public life changed significantly. The beginning of the Empress's reign was another impetus for the revision of bankruptcy legislation. During the XVIII century, several variants of the Bankruptcy Charter were proposed, but none of them was approved at the level of the highest authority. This fact actualized a new stage of normative activity. The article compares various sources of Russian insolvency law, establishes their continuity and innovations in the formation of the next codified act on commercial insolvency.

Keywords: Ekaterina II, absolutism, insolvency, bankruptcy, trade, debt bondage, responsibility, merchants.

Spisok literatury:

1. Bagreeva E.G., Rudaya A.A. Istoriya razvitiya i sovremennost' instituta bankrotstva // Evrazijskaya advokatura. 2020. №5. S. 15-19.
2. Vinogradova E.YU., Bunik E.I. Institut bankrotstva v Rossii. Etapy stanovleniya i razvitiya // <https://tbplaw.com/data/423-> (data obrashcheniya 20.02.2024).
3. Gol'msten A.H. Istoricheskij ocherk russkogo konkursnogo processa / Pod red. A.G. Smirnyh, 2-e izd. – M.: «Izdanie knig kom», 2019. 288 s.
4. Egorov V.E., Rozhnova K.YU. Dinamika razvitiya prava v sfere nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v dorevolucionnoj Rossii // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. №5. S. 166-170.
5. Shelahsaeva S.I. Stanovlenie instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii i evolyuciya russkogo konkursnogo zakonodatel'stva v XI-XIX v. // Voprosy regulirovaniya ekonomiki. 2018. T. 9. №2. S. 28-36.
6. Shershenevich G.F. Konkursnyj process. 3-e izd. M.: Statut, 2021. 477 s.
7. Yakovenko YU.B. Vneshnee upravlenie kak vosstanovitel'naya procedura bankrotstva: diss. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2006. 189 s.